

18+

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

АНЕСТЕЗИОЛОГ. ПОКА ТЫ СПАЛ

Научно-популярная медицина (АСТ)

Александр Иванов

Анестезиолог. Пока ты спал

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Иванов А. Е.

Анестезиолог. Пока ты спал / А. Е. Иванов — «Издательство АСТ», 2019 — (Научно-популярная медицина (АСТ))

ISBN 978-5-17-114964-2

«Записки анестезиолога. Пока ты спал» – это новый сборник историй из практики врачей неотложной медицины от автора блога Funus Festus. В книге вы прочтете о непростой работе медиков, чьи будни могут показаться вам фантастическими, но поверьте, это чистая правда. Каждый день не похож на предыдущие, каждый пациент требует особого внимания, у каждого своя история, свои проблемы... Даже праздники в больнице проходят иначе, не так, как за ее пределами. Прочтите, как не стоит делать сюрпризы и как лучше покорить сердце любимой, что такое везение и какой случай смог вызвать удивление даже у опытного врача. Книга содержит нецензурную лексику.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-114964-2

© Иванов А. Е., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Пьесы для анатомического театра	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Иванов

Анестезиолог. Пока ты спал

© Иванов А. Е., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Вашему вниманию предлагается очередной сборник историй из практики врачей неотложной медицины. Его можно считать продолжением тех, что выходили под названиями «Записки анестезиолога» и «Будни анестезиолога». Как будет озаглавлен очередной сборник, автору не известно, выбор названия оставлен на усмотрение редакции, которая лучше знакома с конъюнктурой рынка и выберет его в соответствии с коммерческой целесообразностью. Пусть хоть это будет по аналогии с известным киношедевром «Судьба анестезиолога» или «Конец анестезиолога». Впрочем, название «Конец анестезиолога» звучит несколько интимно, хотя и отражает идею: это последняя подобная книжка. Нет, пока никто не собирается уходить на пенсию, новые случаи происходят ежедневно и историй набрать можно еще не на один сборник. Но, пожалуй, достаточно. На большой формат мы не способны, разродиться романом или выдать из себя иную крупную литературную форму не удастся, а почитать короткие рассказы и анекдоты из жизни врачей можно в соответствующих интернет-сообществах. Врачи часто ведут свои блоги, особенно хирурги с реаниматологами. Почитаешь иной, становится завидно, что не пост, так рассказ о героической работе, еще одна спасенная жизнь. Задаешься вопросом: «Автор еще не носит на своем халате звезду Героя?» Но почему-то читать описания подвигов скучно. Нормальной стране не нужны герои.

К тому же со временем эмоциональное восприятие притупляется, то, что казалось раньше необычным, интересным или смешным, сейчас воспринимается буднично. Редкий случай вызывает интерес, а рассказывать о каких-то случайных, рядовых происшествиях неинтересно. Не каждому дана способность годами писать про одно и то же, рассказывая читателям про всякую ерунду. Автор такой способности лишен и точно так же, как эта книжка, не претендует на роль литературного произведения, так и автор никоим образом не претендует на звание писателя. Тем более когда в стране писателей больше, чем читателей. Когда даже среди профессиональных литераторов нет единства, когда в стране два писательских союза, и вопрос, членов которого считать писателями, а кого не очень, пока не решен.

Честно говоря, этот сборник тоже не хотелось собирать, но раз читатель просит, вернее, покупает книжки из серии, то отказаться было трудно. Многие найдут здесь повторение историй уже изданных, напечатанных или разошедшихся по Интернету. Недовольных этим прошу простить. А также заранее приношу свои извинения лицам с тонкой душевной организацией, кому не приходилось сталкиваться с реальностью.

Предисловие к первому изданию

Из чего состоит работа дежурных врачей, реаниматологов, хирургов обычной районной больницы? В больнице, которая работает круглосуточно условиях «Скорой помощи»? Дежурство до утра. Часть времени – кровь, боль и смерть, часть – кофе, сигареты и мысли, чем заняться? Плохо, когда много работы, когда сутки не выходишь из операционной или палаты. Это ад. Еще хуже – когда работы нет. Ночью время замирает. Читать? Трудно, редко удастся сосредоточиться. Телевизор? Если только реалити-шоу типа «Дома-2». При необходимости легко оторваться, ничего не теряешь, скорее наоборот. Пасьянс «Паук» сложен тысячи раз. И способ скоротать время – разговоры в курилке. Не самый плохой способ провести время.

Посторонний человек со стороны послушает их, подумает и решит, что попал в кружок психопатов-садистов. Очередной рассказ о расплюсненном черепе человека, на спор положившего голову под асфальтовый каток, или о человеке, оседлавшем швабра и вылетевшем на ней

в окно, сопровождается смехом. Единственная мысль: «Не дай бог, не дай бог попасть к этим докторам».

Но это всего лишь один из способов не сойти с ума от того, на что приходится смотреть каждый день.

Давно прошу бывших коллег: «Записывайте свои истории, читатель найдется. Многих они веселят, многие содрогаются от профессионального цинизма». Но даже самая негодующая публика слушает и просит еще. Знаю, как трудно заставить врача написать пару лишних строк. Писать им приходится постоянно. Истории болезни, справки, эпикризы. Один из знакомых докторов, товарищ не без странностей, вообще стал писать в ежедневных дневниках всего четыре слова, и те умудрялся сокращать. Его запись выглядела примерно так: «Жалоб нет, физ. отпр. в N». (Имелись в виду физиологические отправления.) По сути, он прав. Жалоб нет – ничего не болит. В то же время подразумевается, что человек может жаловаться, значит, он в сознании, с головой у него в порядке. А наличие мочи говорит, что сердце достаточно хорошо гоняет кровь, легкие насыщают ее кислородом, а почки эту кровь фильтруют. И нормально работает кишечник. Но только руководство не одобряло краткости, заставляя десятки раз в день переписывать одни и те же слова. Так надо, так положено.

Составитель сборника решил взять на себя задачу записать отдельные рассказы своих знакомых врачей. Тех, кто ежедневно сталкивается с критическими состояниями, когда рядом могут быть боль и радость, горе и смех. Никакого связного повествования в этих записях нет. Тут вы не найдете историй о героической работе, о спасенных человеческих жизнях. Если вам в жизни везло и вы никогда не сталкивались с подобным, то все это покажется вам каким-то фантастическим бредом. Но поверьте, это постоянно происходит в реальной жизни, а описанные персонажи живут где-то рядом, пусть в каком-то параллельном с вами мире. Жизнь порой фантастичнее вымысла.

Сюжета отдельных историй с лихвой хватило бы на целый роман. Но, каким бы ни было драматическое произведение, пересказать его за короткий промежуток свободного времени не удастся. Интересные истории повторяются порой по многу раз, поэтому при рассказе убирается все лишнее, все второстепенные детали. Автор старался как можно точнее передать устную речь рассказчиков. Большинство историй как были рассказаны от первого лица, так и были записаны. Это вовсе не означает, что автор был непосредственным участником всех описанных событий. Отсюда краткий стиль изложения, короткие фразы, и главное – обилие народной лексики. Старался по возможности сократить ее количество. Но полностью от нее избавиться не удалось, за что заранее приношу извинения.

Пьесы для анатомического театра

Пьеса первая

Место действия – Амурская область, поселок в тайге. Моргом районной сельской больницы служит простая деревенская изба с русской печью. Патологоанатом приезжает на гастроли раз в неделю, если позволяют дороги. В распутицу иногда добирается на вертолете. В штате морга числится одна бабка, она и сторож, и прозектор, и ответственная за все. Морозы зимой стоят под 40, и бабка должна протапливать морг. Иначе приехавшему врачу приходилось рубить топором замерзшие трупы. Но постоянно протапливать избу – не напасешься никаких дров даже в тайге. Поэтому дня за два до приезда врача бабка начинала топить печь, чтобы как раз к приезду врача трупы оттаивали. В остальное время она пила. Однажды потеряв счет часам, вспомнила о своих обязанностях только вечером, накануне приезда доктора. Русская смекалка ее не подвела. Бабка затопила печь, и, чтобы ускорить процесс оттаивания, вокруг нее поставила на ноги десяток трупов для разморозки. Подтаявшие тела начали обмякать, шевелиться и оседать на пол. Кто-то из местных жителей проходил мимо. Увидел, что в морге ночью горит свет, заглянул в окно... Что он увидел: односельчане, поминки по которым справлялись уже почти неделю, расположились у печки и шевелились.

Дальнейшее в XXI веке вообразить трудно, но источник заслуживает доверия. Мужики в деревне срубили все осины. Заточили осиновые колы. Бросились к моргу. Выбили стекла и под окнами стали поджидать нечисть. Зайти внутрь до рассвета никто не решился. Хорошо, что никто из них сам на морозе не превратился в труп. К счастью, к утру трупы оттаяли и мирно лежали на полу. Проткнутых осиновым колом, говорят, среди них не было.

Пьеса вторая

Кабинет начмеда расположен на втором этаже. В коридоре у кабинета стоит очередь, идет запись на плановую госпитализацию. Входит очередной посетитель. Через пару минут из кабинета слышен крик, звон разбитого стекла, скрип сдвигаемой мебели. По больничному коридору бегут два санитара с каталкой. Заскочив в кабинет, выкатывают оттуда окровавленное тело со сломанными конечностями и увозят к лифту. Из кабинета выходит начмед в испачканном кровью халате и приглашает следующего. Заодно пытаясь рассказать, что произошло в кабинете. Но ни одного следующего в коридоре уже не было, очередь потихоньку разбежалась. Объяснять, что из окна кабинета самый легкий доступ на козырек над приемным отделением, было некому. А также то, что на этот козырек во время приема приземлился некий организм, в припадке белой горячки выпрыгнувший с окна пятого этажа.

* * *

На рентгенограмме – торчащий из груди нож. Удивила последняя фраза в описании: «Рекомендовано динамическое наблюдение, рентгенконтроль через 2–3 дня». Рентгенологу интересно, что будет в динамике с ножиком? Сам рассосется, заржавеет или все-таки вытащат?

Пьеса третья. Охотничьи рассказы

В нашем провинциальном анатомическом театре шла пьеса под названием «Драма на охоте».

Старые друзья пошли охотиться на бобров. Да, бобер – животное краснокнижное и охотиться на него запрещено, но развелось их в наших краях немало и много от них бед. Запрудив ручейки, превратили в болота окрестные леса и даже поселки. Два идиота залегли на противоположных берегах нашей речушки в засаде. Ждут. Вдруг из кустов показалась голова бобра. Выстрел. Голова исчезает. Охотник звонит на мобильник другу:

– Вася, я бобра добыл!

Добытым бобром оказался Вася, который на звонок не ответил. Пуля четко вошла ему в переносицу – ни капли крови.

* * *

В приемном отделении больницы охотник. Спрашиваешь:

– Охотился? Ну и кого же ты добыл?

– Я лося добыл!

– Плохо, что ты сразу не заметил, что кто-то добыл тебя самого. Сильно был выпивши?

– Да вы что, доктор, так, чуть-чуть, за компанию. Для настроения.

Компания явно была веселой. Пуля 12-го калибра попала хантеру прямо в живот. Выходного отверстия нет. Уже странно.

На рентгенограмме пулю увидели застрявшей в ягодице. На операции от удивления у хирурга случился легкий шок. Как такое могло произойти, как пуля, пройдя через живот, описала дугу, вышла через малый таз, пройдя между мочевым пузырем и прямой кишкой, застряла в заднице и при этом умудрилась не задеть ни один из органов? Хирург стоял в оцепенении. Время шло. Надо было что-то делать. Не зная, как быть, я стал вчитываться в историю болезни.

– Смотри, – говорю, – а больной-то непростой. Работает в правительстве Петербурга.

– Да мне похуй где он работает, – кричит хирург. – Я за тридцать лет работы такого еще не видел. Как пуля могла ничего не задеть?

– Так слушай, он же, видимо, опытный аппаратчик. А это для аппаратчика высший класс – вовремя вильнуть жопой, да так, что даже пуля через нее проскочит, не задев ни одного полезного органа. Давай зашивай брюхо, время идет. У нас еще двое на операцию.

Тут действительно другого объяснения не было. Однако случай закончился трагично. Больной уже стал поправляться, но, поскольку охотничек оказался крупной номенклатурной дичью, его перевели в одну из городских клиник для важных персон. Пригласили светил военно-полевой хирургии. Кто ж лучше военных хирургов разбирается в огнестрельных ранениях? Военные не поверили в такую способность номенклатурной задницы и взяли его в операционную на повторную ревизию брюшной полости. В общем, разобрались.

Пьеса четвертая. Хантер

Конец восьмидесятых годов. Санкт-Петербург. Вызов «Скорой помощи» на станцию метро «Технологический институт», повод: человек упал под поезд. Часто такие вызовы дублировались, их давали одновременно двум бригадам, кто успеет раньше, и вот две команды «Скорой помощи» двигаются по платформе навстречу друг другу. Платформа пересадочной станции, та, которая поменьше, выложенная белой плиткой, зрелище представляет веселень-

кое. По всей кафельной стене – кровь, колонны залеплены какими-то ошметками мяса, обрывками окровавленных тряпок. Поезд остановился, не доехав до конца платформы. Несмотря на час пик платформа в почти опустела, остались только несколько любопытных. Шесть мужиков со «Скорой», которые, казалось бы, видели все, боятся заглянуть под состав. Страшно даже подумать, что там осталось от человека. Рельс обесточен, пожалуйста, спускайтесь, но никто не решается... И тут из-под вагона появляется голова мужичонки.

– Ты кто? Откуда? Вылезай-ка...

Мужичок снова ныряет под вагон:

– Я сейчас, я только кепочку найду.

Ждем. Голова высовывается снова, уже в кепочке. В руках ружье, как положено, разобранное, в чехле.

– Откуда ты, милый?

– С охоты мы.

– Хантер, значит? И кого же ты убил?

– Лося завалил!

– А где же твой лось?

– А вона, в рюкзаке, – и кивает головой назад, за спину.

Смотрим, действительно, у мужичка на плечах лямки от рюкзака. Самого рюкзака нет. Оказалось все просто. Шел человек с охоты. Полный рюкзак лосятины. Когда стоял на платформе, вниз свалилась кепочка, а за ней и сам мужичок. И аккуратненько так устроился в желобе между рельсами, а рюкзак торчал сверху. Рюкзак сорвало поездом, а мясо разбросало по всей станции. Осмотрели мужичка. Кроме сломанной лодыжки, никаких царапин. В куртке три бутылки напитка под названием «Спирт питьевой». Был такой продукт, выпускался для тружеников Севера где на морозе простая водка кристаллизуется. Продукт в наших широтах редкий. Все три бутылки, естественно, целы. Одна, к сожалению, ополовинена. Стоит ли говорить, что они сразу перекочевали в наши чемоданы, за перенесенный по его вине стресс мужичку надо было расплатиться.

Пьеса пятая

Новогодняя пьеса для анатомического театра в 4 действиях, с прологом и эпилогом. Действие происходит в одном из полузаброшенных военных городков нашей области. В соседней воинской части еще теплится жизнь. Там и служит, вернее, служил наш герой.

Предисловие

Попасть живому в морг – не такая уж и редкость, и реальные случаи бывали. Диагностика смерти не так уж и проста, и ошибки бывают, как и в любом другом диагнозе. Не зря за свою эволюцию человечество придумало столько проб на сохранность жизни. За примерами далеко ходить не надо. Помню, как один мой приятель, азербайджанец, тяжело болел пневмонией. Честно говоря, он и при жизни слегка смахивал на мумию, а болезнь сходство усилила. И вот по направлению участкового врача оказался в морге. Только на секционном столе заметили, что он жив. В сознание пришел в реанимации. История в свое время наделала шума, участкового врача уволили.

По «Скорой помощи» годами гуляет байка о том, как бабушка позвонила в неотложку и, разговаривая с трудом, спрашивала, можно ли ей снять повязку с челюсти. Диспетчер долго не понимала, в чем дело, пока не выяснилось, что вчера вечером к бабуле приезжал врач неотложки и поторопился констатировать бабушкину смерть. И даже по доброте своей душевной подвязал ей челюсть, чтобы она не окоченела с открытым ртом. Бабуля проснулась, но

как человек старой закалки, дисциплинированный повязку самостоятельно снять не решилась. Только чувство голода заставило обратиться за советом к профессионалам.

Еще в свое время Невзоров в своей передаче «600 сек.» рассказывал о циничном ограблении морга, когда с покойника был снят и украден костюм. Мне довелось познакомиться со злодеем. Алкаш, живший в соседнем доме. За кружку пива охотно рассказывал свою историю. Как он, в очередной раз упившись, разбил морду в кровь. Надо сказать, что геометрия черепа у него уже была до этого испорчена старой трепанацией. «Скорая», увидев окровавленное тело с расплюсченной головой, отвезла его в морг. Там он на холодке протрезвел и очнулся среди трупов. Надо было рвать когти, но окровавленная одежда не позволяла. Тогда он снял с трупа костюм и, прихватив заодно телефонный аппарат, вылез в окно. Телефон продал у ларька за 100 г спиртосодержащей жидкости.

Об одном таком примере мы и расскажем.

Пролог

На днях собираюсь выписать больного, который поступил 1 января. Тяжелая травма черепа, две недели комы. Как только зарастет на шее свищ после трахеостомы, получит пинок под зад и дружеские рекомендации. Он уже немного может ходить, разговаривает (больше матом), иногда просится в туалет (обычно когда туалет уже не нужен). Так что есть шансы на достойную социальную адаптацию.

События, предшествующие получению травмы заслуживают описания.

Действие первое

Вечером 31 декабря у пациента скончался отец. Пожилой человек долго и тяжело болел. Рак. Смерть ожидаемая, может быть, даже долгожданная, но, как всегда, несвоевременная.

«Скорая», которая констатировала смерть, выписала направление в морг. Врач любезно сам вызвал местную труповозку и умчался готовиться к встрече Нового года.

Труповозку, естественно, пришлось ждать. Ожидание скрашивалось водкой. Когда мой будущий клиент набрался до состояния, за которым следует безумие, жена, взяв ребенка, ушла встречать Новый год к подруге. Оставшись наедине с трупом, который лежал в большой комнате, или как называют ее у нас на селе: «в зале», клиент подумал о закуске. Поставив на газ кастрюлю с пищей, отвлекся. О еде вспомнил, когда жидкость выкипела, а из кастрюли пошел дым. Будущий пациент предпринял решительные меры по самостоятельному тушению пожара: открыл водопроводный кран на кухне с такой силой, что смеситель был оторван от стены. Две струи воды отбросили сироту к окну. Там он своим телом выбил стекла, при этом весьма основательно порезал руки и затылок. На улице подмораживало. В кухне температура при разбитых стеклах быстро опустилась ниже нуля. Вода на полу стала замерзать. Поскользнувшись на свежем ледке, ослабший от водки и от потери крови товарищ упал, конкретно приложившись головой об стену. Остатки сознания меркнут. Поток воды залит очаг пожара и устроено короткое замыкание.

Гаснет свет.

Занавес.

Действие второе

Снизу прибегает возмущенный сосед. На его звонки дверь никто не открывает. Сосед – отставной офицер, действует четко и организованно. Выламывает дверь, увидев наводнение в квартире, бежит в подвал и перекрывает в доме воду. Зайдя в квартиру с фонариком, натывается на лежащее на полу окровавленное тело. Попинав его в темноте, признаков жизни не замечает. Звонит в «Скорую», сообщает о том, что сосед сверху скончался. Но диспетчер успокаивает его, говорит, что все в курсе и по этому адресу уже выезжали.

– Можете сами убедиться, у телефона лежит направление в морг. – Сосед убедился, успокоился и пошел к себе ликвидировать последствия протечки. Как человек технически грамотный, он предварительно перекрыл газ в соседской квартире, выкрутил пробки и перекрыл воду. Не оставлять же весь дом без воды в новогоднюю ночь. При этом окончательно доломал в квартире водопровод, согнув одну из труб, а во вторую намертво забил в качестве пробки деревянную ручку от стамески.

Действие третье

Труповозка приезжает ближе к утру. Санитары очень спешат. На следующую смену передавать вызов они не решились. Последствия выражений недовольства со стороны пришедших первого числа на работу могли быть весьма серьезными. Дверь в квартиру была открыта. В квартире – темнота. Пол покрыт слоем льда. Услышав мат скользящих в темноте на льду санитаров, пришел тот же сосед снизу и любезно предоставил фонарик. На кухне, в луже крови, лежало тело. Взяв направление и схватив клиента, санитары умчались на базу.

Действие четвертое

Утром хозяйка с ребенком возвращаются домой. Голова болит после бессонной ночи. Одно желание – лечь спать. Но в квартире замечает некоторый беспорядок. Разбито окно на кухне, лед на полу, следы пожара на стенах. Водопровод не работает, света нет. Из обстановки неизменным остается только труп свекра на диване в «зале». Муж пропал. Серия звонков в инстанции. В больнице ответили, что нет, такой не попадал. В милиции – тоже. Зато в морге ждала удача. Дежуривший санитар сказал, что да, привозили такого (забавно, но отца с сыном звали одинаково). Не совпадал, естественно, только возраст.

Диалог их не известен, но в результате у дежурного санитаря все же появились какие-то сомнения. Пока внезапно овдовевшая женщина мчалась в морг, он решил взглянуть на доставленного под утро клиента. Клиент был явно жив. Санитар звонит в «Скорую». Там скептически отнеслись к его рассказу об ожившем мертвеце (чего не привидится в праздник), посоветовали опохмелиться и приехать отказались. Санитар доплелся до приемного отделения больницы, где тоже был встречен со здоровым скептицизмом. Сестры даже вызвали врача, посмотреть, не горячка ли у сотрудника. Но дежуривший доктор был человек многоопытный, решил все же проверить. Ему удалось убедить «Скорую» приехать в морг. Вернее, прийти. Расстояние от их станции до морга составляло метров 100. Обнаружив, что клиент вполне еще живой, его срочно притащили в реанимацию. Даже не стали тратить время на оказание первой помощи.

Эпилог

Несчастливая женщина примчалась к моргу, но дежурный санитар к этому времени уже находился по пути в астрал: с чувством выполненного долга, распираемый гордостью за свой подвиг, он продолжал праздник. Причем находился уже ближе к конечной точке путешествия. На крики жены, типа того, что зачем он ей сказал по телефону о том, что муж в морге, санитар ответил, что пошутил. Муж ее жив и лежит пока в реанимации, но не волнуйтесь, скорее всего, скоро будет. От предложений подождать его вместе и отметить наступление Нового года женщина отказалась. Окончательно осознав, что сегодня не ее день и вдовой ей сегодня, похоже, стать не суждено, она примчалась к дверям реанимации и там устроила истерику. Дежурного врача удивил ее не вполне логичный крик:

– Если он сегодня, сука, сдохнет, то я его убью своими руками.

Врач попытался поправить, что может убить лучше, если выживет, на что неудавшаяся вдова закричала еще громче, что если эта скотина выживет, то она просто не знает, что с ним сделает.

Свидания с мужем ей не разрешили. Больной был уже наголо побрит и готов к доставке в операционную. К его великому счастью оказалось, что мозгам в его черепной коробке жилось весьма просторно. То ли коробка была великовата для его мозга, то ли наоборот. Поэтому гематома, хоть и значительных размеров, сильно мозг не сдавила. Еще на операции стало понятно, что шансы выкарабкаться у больного есть. Он ими и воспользовался, хотя и не без потерь.

Пьеса шестая. Наследство

Звонок в дверь реанимации. У входа стоит мужичок.

– Здравствуйте, а что вы хотели?

– Вы знаете, у вас вчера умер мой дядя...

– Да, к сожалению. Мои соболезнования.

– Да нет, я не по этому вопросу. Доктор, вы должны, нет, просто вы обязаны сказать, что его последними словами были слова о том, что свой домик он завещает мне.

– Хорошо, я так и скажу, что свой домик он завещает мне.

* * *

Реаниматолога просят подойти в отделение. Говорят, что у них скончалась бабушка. Хроническая больная, безнадежная парализованная старушка. Вежливый тон заведующего терапией насторожил. Понятно, что он хочет о чем-то попросить. Объясняют ситуацию:

– Понимаешь, бабка дышать перестала, мы родственникам сказали, что она умерла. Стали перекладывать на каталку, а она живая. Как нам теперь это объяснить родственникам? Они и так тут скандалят, жаловаться грозят. Может, вы ее возьмете к себе в реанимацию на часок, а родне мы скажем, что вы ее оживили.

– Уверен, что они за это спасибо скажут? Кстати, справку о смерти еще не выписали?

– Да нет, не выписали. Тут родня между собой грызется, каждый обвиняет всех остальных, что они заморили бабушку, а наследство присвоили. Без вскрытия брать отказываются. А патанатом уже уехал. Так что они придут за справкой только завтра.

Интересно, надо сходить, посмотреть на бабушку. Вдруг к завтрашнему дню справка как раз и понадобится. Но отнюдь, бабуля была в отличной форме. Ровно дышала, вела активную растительную жизнь. Так что врачи явно поторопились. У ее кровати две сестры собирали бабкино барахлишко. Пришлось прочитать им целую лекцию о том, что смерть – процесс не одномоментный, диагностика смерти чрезвычайно сложная вещь, тем более в таком возрасте. Но все это родню мало интересовало, две сестры со своими мужьями в споре сцепились между собой, даже дошло до драки. Пришлось разнимать их с помощью санитаров и вытолкать в коридор. Пусть идут, разбираются между собой, кому достанется домик в деревне. Судя по бабушкиному состоянию, времени у них еще достаточно.

Пьеса седьмая. Открытие купального сезона

На берегу озера лежит труп. Как казенно пишут в протоколах, тело молодого мужчины без признаков жизни. Рядом машина «Скорой помощи». Медикам делать нечего. Товарищ давно окоченел и явно ночевал под водой. Характерная поза «боксера». Сотруднику полиции друзья покойного рассказывают о случившемся.

Накануне они отмечали возвращение друга из армии. Того, чье тело сейчас лежит на берегу. Пьянка на даче с выходом на озеро, шашлыки, купание, ловля русалок в камышах. Отряд сначала не заметил потери бойца. На утренней перекличке, когда решался извечный

утренний вопрос «а кто идет за Клинским?», его не досчитались. Поиски на озере не затянулись. Труп лежал у берега на глубине полметра.

К берегу подплывает конопатая девчушка, лет 12–13. Рыжие косички из-под резиновой шапочки. Родители не разрешают заплывать на глубину.

Смотрит на происходящее.

Один из друзей погибшего:

– Ну чего тебе надо? Разве интересно?

– Интересно – когда в пизде тесно, – резонно отвечает девчушка и уплывает к родителям.

Видимо, всё остальное родители девочке позволяют.

Осмотр заканчивается. Надо вывозить труп. При повороте изо рта льется зеленая жидкость. Приходится ждать, когда вытечет.

Один из фельдшеров заранее репетирует заполнение документов в морге, негромко напевая строчку из стандартного протокола осмотра трупа на мотив известной детской песни про козлика:

– С трупом доставлены:

Белые плавки.

Вот как, вот как – белые плавки...

Пьеса восьмая. Этапы большого пути. От колыбели до могилы

Недавно напомнили про пресловутую «Красную шапочку», знаменитый в 90-х напиток. На коробке конфет с коньяком, подаренной кем-то из родственников, попала на глаза знакомая эмблема.

Есть в Питере такая фирма «Камея». Она начинала как кооператив с выпуска леденцов «Монпансье» в коробочках. Но на леденцах не разбогатеешь, и фирма стала торговать спиртом под видом кондитерских добавок. Пресловутая «Красная шапочка» – это ее продукт. Официальное название: «Экстрагент биоактивный». Поднялась на этом.

Непонятен состав напитка. Над разгадкой секрета бились все токсикологи Питера. Безуспешно, рецепт так и не расшифрован. Какой-то загадочный реактив, растворявший мозги, избирательно разрушавший миелиновые оболочки нейронов. Выпускалась она в пузырьках с красной пробкой. Отсюда и ее сказочное название. Имела «Красная шапочка» две разновидности. Одна чисто белого цвета, вторая, подороже, с голубоватым отливом. Те, кто заботился о своем здоровье, предпочитали голубоватую. Со слов знатоков, ее можно было пить неделю, а белую – не больше пяти дней подряд. После этого человек превращался в бревно. У него при жизни коченели все мышцы, переставали сгибаться суставы, и обездвиженный товарищ помирал. Зато такие больные были крайне удобны для ручной транспортировки. Человека можно было взять за брючный ремень и нести как чемодан. Он не гнулся. Тем более что обычные потребители напитка не отличались избыточным весом. Частенько скромной закуской служил приобретенный в той же аптеке на сдачу гематоген. Я в те годы отрабатывал распределение на «Скорой» и познакомился с действием этого напитка. Почему-то запомнился случай, как целая команда полегла после встречи Нового года. В одной бомжатской квартире первого января валялось сразу восемь трупов. Все окоченели в том положении, в каком их застала смерть. Трое сидели за столом, двое лежали под ним. Один окоченел в ванной, один, которого мы за его широкополую шляпу называли ковбоем, так в этой шляпе и поскакал в вечность верхом на унитазе. Один умер на кровати, хотя правильнее бы назвать этот предмет мебели не кроватью, а местом, где обычно в этой квартире кто-то спит. Два разнополых гоблина бродили по квартире и удивлялись:

– Вроде вчера встретили Новый год вместе, ну посидели, легли спать, да, как обычно, часов в восемь вечера, все живы были. А утром встали, они за столом сидят, не ложились, что ли?

Пришлось врачу «Скорой» заполнять восемь карт вызова и восемь направлений в морг.

Демографическая коррекция в городе была проведена с блеском. После этого фирма переключилась на похоронный бизнес. Многие знают коммерческое кладбище в поселке Кузьмолово. На месте старого песчаного карьера. Как раз эта фирма его и открыла. Помню, как в городе были развешены плакаты с рекламой нового кладбища. Мне больше всего нравилась одна из предлагаемых услуг: «Принимаем заказы на изготовление семейных склепов». Я сразу вспоминал погибшую в Новый год семью. Им как раз просто необходимо было заранее заказать семейный склеп.

Похоже, был такой замысел у учредителей. Бренд должен сопровождать человека на всех этапах жизненного пути. От колыбели до могилы, от леденцов до склепа. По слухам, была у фирмы еще какая-то связь с местной больничкой, и она пыталась закупить через нее в Германии печки для сжигания биологических отходов, которые на деле отказались печами для кремации. Причем печки оказались такой производительности, по сравнению с которыми питерский крематорий выглядел бы просто самодельной буржуйкой. Германцы в печах продвинуты, опыт накоплен. Но все это слухи, хотя похоже на правду.

Конфеты подарены родственницей одной пациентки. На всякий случай есть мы их не стали. Хотя в отсутствии злого умысла со стороны родственницы не сомневались, бабушку реально удалось вытащить с того света. Но береженого, как говорится... Отдали их сантехнику за ремонт унитаза, в придачу к двумстам граммам проверенного медицинского спирта.

Пьеса девятая. Маленькая ошибка

Рассказывает врач-реаниматолог районной больницы. Лексика, не несущая смысловой нагрузки, опущена.

Вечером звонок в реанимацию.

– Скажите, как себя чувствует Трофимов?

Дежурный врач:

– Трофимов?

– Да, Николай Ильич.

– А вы кем ему приходитесь?

– Я ему законная жена.

Последняя фраза произнесена не без гордости, голосом не вполне трезвой женщины. Можно понять, у женщины горе, муж попал в реанимацию.

– Вы знаете, мы по телефону справок не даем. Вам надо прийти в дневное время, побеседовать с заведующим. Могу сказать только, что состояние тяжелое, стабильное. На всякий случай оставьте телефон для связи. Да, и ваше имя-отчество, как к вам обращаться.

Женщина диктует телефон, называет свое имя-отчество. Вешает трубку.

Но доктор допускает ошибку. Записывает ее имя и телефон на обложке истории болезни совершенно другого человека. Назовем его, например, Тютин. Вечер, врач устал к концу дня, за эту ошибку его можно простить.

Беда, но следующей ночью больной Тютин умирает. Скорбная обязанность врача сообщать родным о смерти близкого человека. Дежуривший в этот день доктор берет историю и без всякого сомнения набирает записанный на ней номер. Шесть утра. В такое время особенно тяжело приносить людям скорбную весть. После долгих гудков тот же нетрезвый женский голос грубовато отвечает:

– Алле.

– Извините, вы Татьяна Ивановна?

– Ну да, я.

– Я должен вам сообщить, что Тютин Василий Иванович час назад скончался.

– А мне похую, – отвечает женщина и вешает трубку.

Что ж, реакция людей на смерть родственников бывает различной. Чаще всего в таких случаях говорят: «Спасибо!», вероятно, за то, что вовремя сообщили, хотя как знать... Привыкший ко всему врач садится дописывать историю болезни. Долг выполнен. К утру он забывает этот эпизод и на вопрос начмеда, сообщили ли о смерти родственникам, честно отвечает, что да, сообщили.

Часам к десяти супруга Трофимова, проснувшись или проспавшись, сама звонит в реанимацию, справиться о состоянии мужа. Трубку берет заведующий отделением. Повторяет, что ей надо прийти побеседовать лично, что состояние тяжелое. Женщина, по ходу, интересуется:

– Скажите, а кто такой Тютин Василий Иванович?

– Это был наш пациент, лежал в одной палате с вашим мужем. Он ночью скончался.

– А вы что, всем сообщаете, когда у вас кто-то умер?

– Да, мы всем сообщаем. Это наша обязанность.

– Что, всем? Всем родственникам больных, которые у вас лежат в больнице?

– Да всем. Естественно, тем, чей телефон записан.

– Вам что, делать не хуй?

– Извините, но я бы попросил...

– Да идите вы на хуй, я на вас жалобу напишу. Вместо того чтобы работать, вы на телефоне сидите, по ночам людям звоните.

– Да пишите вы сколько хотите. Нам это тоже порядком поднадоело, сами чаще своих родных навешайте.

Через пару часов мадам прилетает в больницу. Сразу бежит к начмеду.

– Мне ваши врачи, мудозвоны, звонят ночью, говорят, что он умер, а помер какой-то Тютин, а мой муж, оказывается, жив, я так не оставлю, я напишу.

Язык уже заплетается, понять, чего она хочет, трудно. Мадам крепко пьяна. Начмед начинает вспоминать, напоминает ли фамилия кого-то из врачей звуко сочетание «Тютин» или это просто в глазах посетительницы собирательный образ раздолбаев, засевших в реанимации. Из женской солидарности к пьяному виду мадам относится с сочувствием, еще бы, такая произошла ошибка, любой может выпить с горя, когда ему понапрасну сообщают о смерти самого близкого человека. Звонит в отделение заведующему:

– Так, кто из ваших ночью сообщил женщине, что ее муж якобы умер. Выяснить и ко мне!

Внутри отделения недоразумение выяснилось быстро. Заведующий сам идет к начмеду. Там сидит законная жена гражданина Трофимова и ждет расправы над врачом. Заведующий упреждает:

– Скажите, вот вам лично кто-нибудь сказал, что умер ваш муж? Никто ведь не сказал, что умер именно Николай Ильич?

– Нет.

– Тогда какие у вас претензии? Вон, у нас в беседах при жизни пенсионеров в покойники определяют, а у вас муж жив, и никто его хоронить не собирается. Хотите, лично зачеркну на истории болезни ваш телефон, чтобы вам никто не звонил?

– Нет, не надо, пусть будет, если что случится – позвоните.

– Обещаю, что позвоним. Обещаю.

На этом стороны пока разошлись миром. Случай почему-то сильно развеселил публику и обсуждался целые сутки. Предлагалось ввести услугу – рассылка SMS-уведомлений родственникам о состоянии пациентов. Собрались предложить администрации установить в отделении

электронное табло, как в аэропорту. Такой-то прибыл, такой-то вылетел, у кого-то вылет временно задерживается.

Пьеса десятая. Собаки

Как-то иду на работу, смотрю: на пороге больницы завывает санитарка. Если б не обилие произносимого ей мата, можно было подумать, что он громко читает молитву:

– Господи, спаси. Я иду на работу. Собака. Навстречу бежит. Огромная. В пасти нога. Человечья.

Появился интерес. Остановился выяснить причину.

Санитарка продолжает рассказывать, как ей навстречу попалась собака, несущая человеческую ногу.

– Вы не выпивали, Степановна? – на всякий случай спросил я.

– Да побойся бога, с Покрова в рот не брала. Сейчас мой зять пьет.

Не было сил задуматься над смыслом ответа. Спрашиваю:

– А собака с ошейником была?

– Вроде с ошейником. Здоровая такая. Говорила я, не хер их прикармливать. Разорвали на куски. Человека. Точно разорвали. Морда в крови. С ноги кровь капает. Конец нам всем, господа, всех разорвут. Надо на пустырь идти, там все. Там искать надо.

– Слушайте, Степановна, если собака с ошейником, значит, домашняя. Наверно, из поселка. Наши больничные без ошейников бегают. Может, хозяин в больнице у нас лежит, она и ждет, встречает. А ее хозяина просто по частям выписывают. Вы лучше сходите в хирургию, спросите, не было ли там вчера ампутаций.

Потом подумал:

– Нет, вы лучше не ходите. Сам схожу, узнаю. А то вы еще найдете хозяина ноги, расскажете, как его ногу собаки по поселку таскают. И так человеку тяжело.

Степановна – баба простая. Вполне могла рассказать.

Поднялся в хирургическое отделение. Там в ординаторской был небольшой переполох. Уже звонили из морга и спрашивали дежурного хирурга, где его ноги. Естественная реакция человека на подобный вопрос – это послать на хуй и повесить трубку. Посылать пришлось раза три. Затем все же настойчивость патологоанатома победила, и хирург пошел узнавать, в чем дело. Оказалось, что накануне сделали две ампутации ног, но санитарка из оперблока клялась, что отнесла их в морг. Тут я и рассказал, что одну из ног утащила собака, а где вторая – пока не известно. Заведующий хирургией вздохнул, достал из шкафа три бутылки коньяка и пошел в морг на переговоры. На ходу пригрозив уволить санитарку, а остальных своих сотрудников припугнул, что в следующий раз коньяк будут покупать сами.

Но санитарка оказалась не так уж и виновата. Для мусора есть пакеты. По приказу главного санитарного врача страны они разноцветные. Черные, попрочней, – для бытовых, безопасных отходов, желтые – для опасных, а для отрезанных частей тела – красные. Только все они, кроме красных, складываются рядом на одну помойку. А утром приезжают на мусоровозе мрачные узбеки и скидывают все в один контейнер, им Онищенко не указ. А биологический отход типа отрезанных ног, положено отнести в морг, а потом отдельно сжечь в специальной печи, если хозяин, конечно, не успевает их догнать на этом свете. Догонит – похоронят вместе с ним. А печку растапливать ежедневно лень, не экономично, и частенько все это накапливается в подвале, пока крысы не разносят. Друг рассказывал, как в их больничке крысы таскали по двору уши.

Из экономии красных пакетов на 200 литров никто в больнице не закупал. Для вырезанных потрохов хватает пакетов из магазина «Пятерочка». Они тоже красные. Больше все равно из человека внутренностей не вырежешь. Можно, но обычно просто не имеет смысла. Но

тащить отрезанные ноги по улице в продуктовом пакете неудобно, вот и пришлось запихнуть в черный. Санитарка, увидев запечатанный черный пакет, забыла, что там две ноги, и вынесла на помойку.

В обед пришел хозяин собаки. Она с прогулки принесла ему добычу и положила на крыльцо. Устроил скандал. Ногой, завернутой в полиэтилен, швырнул в дежурного врача. Силами двух охранников был выброшен на улицу. Угрожал жалобой. Но тут можно не волноваться, не напишет. Остынет, поймет, что здоровья на всю жизнь ему все равно не хватит и рано или поздно к нам в больницу он попадет. А тут подумаешь, испугался, нога на крыльце валяется. К нам вот часто привозят с оторванными руками и ногами, и ничего. Привыкли. Вот к виду оторванных голов, честно говоря, так и не привык. Но, слава богу, отдельно головы или тела без голов к нам давно не привозили. Врачи на «Скорой» понимают, что фантомные головные боли мы лечить не умеем.

А вот вторую ногу пока не нашли.

Пьеса одиннадцатая. Клиническая смерть

Утром звонок из приемного в реанимацию: к вам везут клиническую смерть. Я уже считал оставшиеся минуты до конца смены и уже давно измерял шагами коридор, сравнивая полученное расстояние (75 метров) с количеством половых плиток (0,3 метра плюс 5 мм шов между ними), поэтому встретил клиента прямо у лифта. Санитары выкатывают окоченевший труп мужчины лет 45, с пятнами гипостаза на лице, но, слава богу, еще без признаков разложения. За каталкой семенил дежурный терапевт. На вопрос, где же ты тут увидел клиническую смерть, он попытался сделать пару толчков в грудь трупа, изображая массаж сердца. Моментально терапевт был послан на хуй вместе с трупом и молча уехал обратно в приемное отделение. У входа в отделение реанимации сидели удивленные родственники, два мужика и тетка. Судя по внешнему виду, люди не очень сложные, с отсутствием следов интеллекта на физиономиях. Вероятно, приезжие. Как же такое могло случиться? Только что дышал, мы спокойно спали, вдруг женщина проснулась от его храпа, позвонила брату. Тот приехал на своей машине, они его погрузили на сиденье и привезли в больницу. Всего-то прошло времени часа два, не больше. Тут же рядом, от силы час езды. Спасите. Объяснив двумя словами – он умер – перспективность ситуации и проводив родственников, я продолжил свои вычисления. Оставалось работать еще 108 минут.

Дежурный доктор-терапевт страдал тяжелым аутизмом, вернее страдали окружающие его люди, и поэтому никогда не задерживался подолгу на одном месте работы. Нестандартность мышления в сочетании со специфическим слабоумием не позволяли ему заниматься каким-то одним делом, и к сорока годам он сменил несколько десятков специальностей, от кардиореаниматолога до гомеопата. В его трудовой книжке уже было 2 вкладыша. Среди его сертификатов встречались просто экзотические, типа выпускника Израильской школы фитотерапевтов, магистра гомеопатии и экстрасенсорики. Единственное, что он делал безошибочно, так это выносил диагноз «СПИД» на обложку истории болезни, причем при первом осмотре больного, без всяких анализов, и при этом никогда не ошибался в диагнозе. Как это ему удавалось, было тайной. Во всех остальных диагнозах он ошибался.

За 76 минут до конца дежурства меня посетила мысль, а что же этот шизофреник напишет в истории болезни? Если он догадается написать, что доставил в реанимацию больного в состоянии клинической смерти, а там был послан, то у меня будут большие проблемы. Надо спуститься в приемное и оставить хоть какую-нибудь запись в истории болезни.

В приемном покое утренняя суета. Перед сдачей смены всегда надо успеть сделать много дел. Терапевта на месте не оказалось. Поймав на бегу дежурную медсестру, спросил, а где история болезни умершего. «А нет истории», – ответила сестра. «Как же нет, где же труп, –

удивился я, – как же он его оформил?» «А не надо, – мне отвечает, – никого оформлять». Родственники спрашивали, что же нам теперь делать, но вы его так расстроили, что он сказал им: это ваш труп, делайте с ним что хотите, можете увозить. Те погрузили тело в машину и увезли.

Способность удивляться проявлениям идиотизма была утеряна еще в институте. Но здесь ситуация была неординарная. Неизвестный труп молодого мужчины, привезенный неизвестными людьми, на машине, у которой не то что номер, даже марка не известна (кажется девятка, кажется темная.)

– А фамилию-то он хоть записал?

– Да нет, так отдал. Чего ему историю болезни заводить?

Хорошо, необходимость в записи дежурного реаниматолога отпала. Нет человека – нет проблемы. Но надо рассказать на утреннем обходе.

Оставшееся время до конца работы ушло на обсуждение ситуации. Вспоминалась известная свалка старых автомобилей из «Криминального чтива», мистер Уиткинс, решающий все проблемы, его фраза «никто его не спохватится» и прочие эпизоды. Конец дежурства прошел весело. История пересказывалась каждому проходящему на работу.

Услышав смех, в ординаторскую, заходит начмед. Чего же им так весело? Начмеду предложили повеселиться с остальными, рассказали историю. Но начмеда история не развеселила.

– Где этот мудака, убью скотину (далее нецензурно)! Что за труп, откуда, почему даже не записана фамилия?!

Мы тоже затихли. Понять начмеда можно, если вдруг там криминал, смерть насильственная, то неприятностей у администрации мало не будет. В течение дня была оповещена вся полиция района, подключено ГУВД, даже обратились с просьбой о содействии к частным охранным структурам (попросту – к местным бандитам) в счет прошлых и будущих медицинских услуг. Тишина. Пять дней прошло, никакой труп в озере не всплывал, на обочинах дорог и в лесах не находился. Появилась надежда, что не всплывет. Сожгли в печке или глубоко закопали.

На шестой день в приемном раздался звонок. Звонили родственники умершего. У них созрел вопрос: а что же теперь делать дальше? Нельзя ли его снова привести в больницу, а то он дома лежит, стал вонять, разлагается. Было это летом.

Пьеса двенадцатая. Цыганский барон

С утра больница на осадном положении. Все входы закрыты. Впускают только по пропускам. На площади перед больницей расположился цыганский табор. Понятно. Очередной представитель их племени попал к нам. Судя по количеству людей, а собралось больше трех сотен, и наличию машин с номерами разных регионов, от Мурманска до Курска, не иначе – очередной местный барон. Разогнать эту толпу не возможно. Бессильна больничная охрана, полиция. Однажды вызывали пожарных, которые пытались смыть толпу из шлангов. Бесполезно. Мелкие цыгане лезут во все щели, женщины устраивают такой вой, что нервы не выдерживают ни у кого. Приходится вступать в переговоры с бароном. Его авторитет непререкаем. Одно слово – и вся стая исчезает в течение пары минут. Хорошо, если барон в состоянии сказать это слово.

Толпа стоит не первый день. Расставлены столы, кибитки. Зачем они всем табором стоят у больницы, непонятно никому. Даже им самим. Обычно через внешнее кольцо охраны пропускается группа человек в 10, которая умоляет дежурного врача пропустить одного из них к больному с криком:

– Я ему самый близкий родственник, я муж сестры его жены, я как узнал о таком горе, я из Москвы приехал. Пусти, брат!

Похоже, роль переговорщика опять отведена мне. Знаю несколько слов по ромейски. Кроме всем известного «Лавэ нанэ». Могу на их языке внятно послать подальше.

Самые худшие подозрения оправдываются, когда поднимаюсь к себе в отделение. Барон лежит у нас после операции. От наркоза еще не отошел, а когда отойдет, навряд ли сможет подойти к окну и крикнуть своим, чтоб те убирались ко всем чертям. Болезнь долго не позволит ходить. У барона парапроктит.

Оказывается, цыган проглотил куриную кость, которая застряла в прямой кишке и проткнула ее стенку. Возможность обратного пути попадания в кишку куриной кости отмечается. Цыгане – не тот народ. Педиков среди них нет.

Парапроктит оказался запущенным. Инфекция расползлась вокруг прямой кишки и распространилась вверх, в брюшную полость. Хирургам пришлось рассечь задницу крестом на четыре части. Для лучшего оттока гноя. Странно, но чувствовал барон себя при этом неплохо. Внешне совсем не производил впечатление умирающего. Хотя все хирурги утверждали, что выжить при таком обширном распространении инфекции невозможно. Смерть от калового перитонита неизбежна. По крайней мере, все это надолго. Придется терпеть табор под окнами и отбиваться от попыток цыган пролезть в отделение навестить больного.

Через пару дней цыган стал поправляться. Нет температуры, хороший аппетит. Глотал целиком мандарины, которые почти целыми потом находили в памперсе при перевязках. На глазах происходило маленькое чудо.

И вдруг цыган исчез. Убежал из больницы. Следом снялся табор. К обеду стало тихо.

Искать, заявлять в милицию о пропаже, естественно, не стали. В истории болезни оставили запись, что самовольно покинул больницу. Был в ясном сознании, за свои действия отвечал вполне.

Ну и слава богу. Нет человека – нет проблемы. Все равно вернется. Надо еще делать перевязки, да и еще предстояла реконструктивная операция.

Но цыган не вернулся. Вечером приходит представитель из табора. Сует под нос красную книжечку – удостоверение. В ней от руки написано, что такой-то является заместителем цыганского барона. Я сначала шутки не понял, но оказывается, что подобное удостоверение среди цыган имеет большую силу. Грамотность у них ценится, к написанному слову доверие абсолютное.

– Ну и что вам надо? – спросил я.

– Доктор, справку дай.

– Какую справку?

– О том, что Михай лежал у вас.

Надо сказать, что почти все окрестные цыгане носят фамилию Михай. Один табор.

– Я не дам справки. Канцелярия уже закрыта. Завтра приходите к лечащему врачу. Да и он не обязан справку писать. Ваш Михай без разрешения убежал.

Заместитель плохо говорил по-русски. Ушел ни с чем.

Через пару часов прибыл местный околоточный, полицейский участковый. С той же самой просьбой.

– Да не могу я сейчас дать никакой официальной справки. Нет у меня печати, мою подпись никто не заверит. Завтра приходи.

– Да ты хоть от руки напиши, пожалуйста, – умолял полицейский, – мы просто не знаем, что делать. Напиши на простом листочке, что ты такой-то – такой-то подтверждаешь, что Михай лежал у вас в больнице и у вас был прооперирован. Коньяк с меня, ты же меня знаешь. За официальной бумагой приду завтра.

С околоточным я действительно был знаком. Написал от руки то, что он просил. Довольный, полисмен умчался. Коньяк, кстати, я так и не получил. Зато узнал следующую историю. Она того стоит.

Оказалось, что Михай добрался до дома. Вывел из конюшни любимого жеребца. Вскочил на него и поскакал. Как он это умудрился сделать, с разорванной задницей, непонятно. Но задница его все же подвела. Михай не удержался в седле и свалился с коня. Разбил голову. Родня принесла его домой, где он вскоре и скончался от ушиба мозгов. Приехавшая «Скорая помощь» от греха подальше вызвала полицию. Смерть неестественная, им так положено по инструкции. Приехавшая полиция обнаружила тело с задницей, располованной крест накрест. Решив, что совершено некое зверское ритуальное убийство, арестовали всю семью. Возможно, подумали, что в таборе завелись сатанисты, практикующие такой страшный способ убийств, как вырезание креста на заднице, или что там еще подсказала милицейская логика. Семья состояла из 29 человек. Всех затолкали в обезьянник местного отделения, куда обычно пятый посетитель запикивался с трудом. Если кто видел убитых горем цыган, поймет тот ужас, который пережили полицейские. Не зря околоточный так выпрашивал справку о том, что разрезы на заднице сделаны в больнице. А смерть наступила в результате падения с лошади. Для цыгана это смерть естественная, даже желанная.

Пьеса тринадцатая. Пока Стивен Сигал отдыхает...

У нас будет покруче. Почти готовый сценарий к фильму «В осаде – 3». Римейк фильма «Табор уходит в небо».

ДТП на трассе. Разбитые «Жигули» «классика». Внутри трое цыган. Два трупа, один живой, с переломанной ногой. «Скорая помощь» отбивается от цыганского табора, подъехавшего на место быстрее «Скорой» и автоинспекции. Цыгане требуют взять с собой трупы и отвезти их в больницу, там спасут. Живого цыгана «Скорая» привозит в приемное отделение. Врач-девушка трясется от пережитого страха. Следом цыгане сами привозят трупы на своих авто. Тут начинается движуха. Звонок из приемного покоя. В телефонной трубке крик медсестры: «Спасите!» Спускаюсь. Делать там уже нечего, на каталке лежит труп. Видно, что череп расплюснут. Группа цыган, человек 30–40, требует спасти. Мужики кричат, угрожают. Десяток женщин катаются по полу. Тоже не молча. На дежурной медсестре разорван халат, санитарки разбежались. Охранник заперся изнутри в кладовке. Спорить бесполезно, качу на каталке труп к лифту, к себе в реанимацию. Обещаю сделать все возможное и попутно посылаю всех на хуй. Сестру и врача «Скорой» забираем с собой. Запираем в отделении все двери. Труп оставляем пока в стороне. Первый этаж отдается цыганам. Тактическое отступление. Но на первом остается один из грузовых лифтов.

Звоним в полицию. Видно, что это делаем не мы одни. Минут 10 постоянно занято.

Цыгане угоняют лифт со спящим в нем лифтером и вкатывают к нам еще один труп. К счастью, много их в лифт не вошло. Всего пять или шесть человек и их удастся вытолкать. Цыгане – народ мелкий, а старинная каталка со съемными носилками в руках профессионалов – оружие удобное. Носилки приподнимаются вверх, снимаются с опор, человек ждет удара в лицо, а в этот момент ты ударом ноги выталкиваешь освободившуюся нижнюю часть каталки вперед. Можно сломать противнику голени. Очередной труп весь залит бензином, и держать его в нашем помещении страшно, вокруг кислородная подводка. Прячем его в кладовке. Кто-то предлагает повесить табличку с надписью «склад мертвых цыган».

Отчаявшись дозвониться в полицию, срываем печать на сейфе с наркотиками. Обычно ОМОН после этого приезжает быстрее, чем через 5 мин. Но это на учениях. Ждем.

Из-за дверей крики:

– Доктор, как мой брат? Мне-то можно сказать правду? Как он?

В карманах трупов непрерывно звонят многочисленные мобильники. Цыгане хотят справиться о самочувствии лично:

– Брат, ты как там? Уже на небе?

Звонки раздражают, но рыться в их грязной одежде неохота.

Смотрим в окно, ждем полицию. Вместо нее продолжает двигаться колонна машин с цыганами. Шлагбаум на въезде сметен, и машины загораживают всё пространство перед больницей. У входа не менее 200 человек. Половина машин якобы ломается. Начинается демонстрация ремонта и перекачивание бензина. Наряду полиции в бронежилетах приходится идти пешком от трассы. Очищают первый этаж, становятся у дверей. Толпа у входа рассасывается. Из приемного покоя исчезает телевизор – не самая дорогая цена победы. Пропадает даже цыган с переломанной ногой. Трупы прячем до темноты в подвале, чтобы ночью, если конечно, не будет вокруг цыган, увезти в морг.

Пьеса четырнадцатая

Звонок в реанимацию.

– Вас беспокоит дежурный хирург.

– Дежурные хирурги нас постоянно беспокоят. Короче, что хотите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.